

Эта пустая страница добавлена для облегчения просмотра в режиме Facing Pages (разворот), который дает наиболее полное представление о том, как выглядит печатная версия.

Рамиль Валеев

«Служил Казанскому университету...»

Казанский университет. XIX в.

В плеяде известных российских востоковедов достойное место занимает профессор Осип Михайлович Ковалевский (1801–1878). С его именем связана замечательная страница истории Казанского университета и отечественного востоковедения XIX в. Университетский востоковедческий центр внес важный вклад в исследование многообразного историко-культурного прошлого и настоящего восточных народов Российской империи и стран зарубежного Востока, и в этом огромны заслуги О.М. Ковалевского — одного из основоположников университетского востоковедения в России.

О.М. Ковалевский (Jozef Kowalewski) родился 9 января 1801 г. в д. Большая Берестовица (Велика Бржестовица) Гродненской губернии в семье небогатого униатского священника, происходившего из польских мелкопоместных дворян. Окончив гимназию в г. Свислочь, он поступил в Виленский университет на факультет литературы и свободных (язычных) языков, где показал блестящие успехи в учебе.

В университете Ковалевский стал активным участником «Общества филоматов» и «Общества филаретов». Основная деятельность этих студенческих обществ заключалась в оказании взаимной помощи в учебе и науках, а также в распространении просвещения, пропаганде идей национального освобождения, республиканского устройства, ликвидации крепостнических отношений.

В 1820 г. О.М. Ковалевский завершил курс учебы и со степенью кандидата философии был определен заместителем преподавателя польской словесности в Виленскую гимназию. Он вел также занятия по греческому и латинскому языкам, продолжал начатую в годы учебы работу над переводами Геродота, Плутарха, Дионисия Галикарнасского и опубликовал переводы классических работ — «О высоком» ритора Д. Лонгина и шесть книг «Метаморфоз» П. Овидия.

Однако размеренный ритм жизни молодого ученого внезапно круто изменился. По приговору Особого комитета, утвержденному Александром I 14 августа 1824 г., активным участникам обществ филоматов и филаретов предсто-

Рамиль Миргасимович Валеев – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Казанского университета.

Вид Казанского кремля. XIX в.

яло отправиться в ссылку, заточение и поселение. Ковалевскому и двум его товарищам — Я. Верниковскому и Ф. Кулаковскому выпала Казань, куда они и прибыли 25 декабря 1824 г. В донесении по начальству попечитель Казанского учебного округа М.А. Магницкий назвал их «политическими преступниками» и потребовал установления за ними строжайшего надзора, контроля за перепиской и еженедельного доклада об их поведении. К счастью, обошлось без таких суровых мер. О. Ковалевский и Я. Верниковский были причислены к университету для изучения восточных языков, третий их товарищ Ф. Кулаковский стал чиновником канцелярии попечителя округа.

Первая четверть XIX в. — время становления университетского востоковедения в Казани. В 1812 г. здесь было введено изучение татарского языка, преподавал его И. Хальфин. В 1818 г. арабский и персидский языки стал преподавать Ф.И. Эрдман. В 1826 г. начинается преподавательская деятельность лектора восточной словесности А.К. Казем-Бека. Они и стали первыми учителями Ковалевского, приступившего к изучению сразу татарского, арабского и персидского языков.

С 1827 г. ректор университета Н.И. Лобачевский и попечитель учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин предприняли дальновидные шаги по расширению востоковедного образования в Казани. В представлении в Министерство народного просвещения М.Н. Мусин-Пушкин предложил учредить Восточный институт «для образования молодых людей, могущих быть употребленными в постоянных торговых и политических сно-

шениях России с государствами восточными, и отправленными путешествовать на Восток для узнания нравов, обычаев, законов и проч. народов, там обитающих и России столь мало известных». В проекте предлагалось образовать на словесном факультете университета два разряда кафедр: в первом с «славянскими и прочими», а во втором с персидским, арабским, турецким, маньчжурским, монгольским и армянским языками.

В результате образовались две востоковедческие кафедры — турецко-татарской словесности и арабо-персидской словесности. Чтобы подготовить открытие кафедры монгольской словесности, совет университета решил направить О. Ковалевского и А. Попова в научную командировку в Иркутск на четыре года для изучения монгольского языка. Это решение определило новый этап в жизни ученого. Его друг и соратник Ф. Кулаковский написал в записную книжку Ковалевского такое напутствие: «Иди, поручившись Богу, дай мыслям отдохнуть, служи краю, который стал твоей новой Родиной, храни дружбу, укрепившуюся в последние дни». Выехав в дальний путь 26 мая, Осип Михайлович писал ему с дороги: «Я жил в Казани почти как на родине. Почему и мысль о расставании навредила горечь и какую-то пустоту сердца. Но в то же время, вспомяни цель и пользу моего отправления в дальние страны, с радостью оставил я место своего пребывания».

Пять долгих лет О.М. Ковалевский провел в Иркутске, Забайкалье, Бурятии, Монголии и Китае. Это научное путешествие сыграло громадную роль в формировании Ковалев-

О.М. Ковалевский.

ского как востоковеда. Он изучал монгольский язык и литературу, историю и культуру монголоязычных народов, переписывал и переводил монгольские тексты, составлял грамматику и словарь монгольского языка, приобретал монгольские, китайские, тибетские и другие книги, рукописи и ксилографы для университетской библиотеки, собирал монгольский и бурятский фольклор, встречался и знакомился с жизнью, бытом, религией народов Восточной Азии.

А.В. Игумнов, обучавший посланцев Казанского университета в Иркутске монгольскому языку, сообщал в августе 1828 г. М.Н. Мусину-Пушкину: «Начав преподавать сотрудникам моим гг. Ковалевскому и Попову монгольские письмена в первый раз во 24-е минувшего июля и поныне, совершив пятнадцать только кратких уроков, имею я восхитительное удовольствие уже видеть и слышать удивительные их успехи, как в чистописании, так и чтении монгольской письменности. Их понятливость, неутомимое назидание и счастливое пристрастие к коренному сему языку, обольщают мою надежду, что мы не замедлим приступить... и к самим переводам... Путешествие по забайкальским монгольским племенам отлагаем мы до довольного нашего ознакомления с монгольским языком, дабы тем успешнее совершенствоваться в оном».

Через некоторое время Ковалевский отправился в Забайкалье, объехал многие бу-

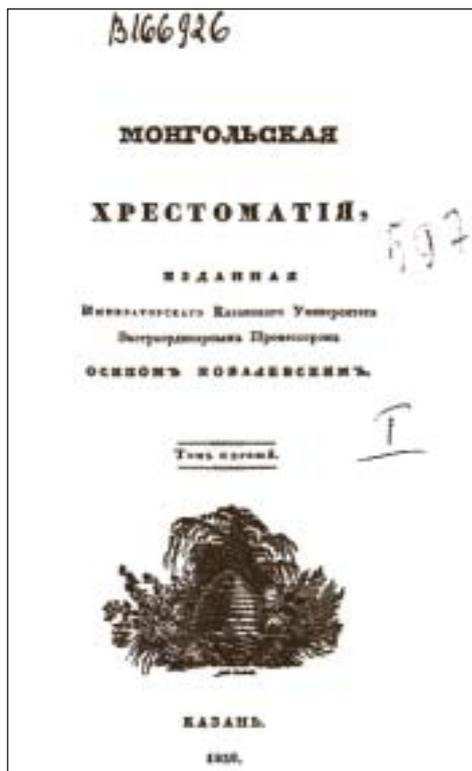
рятские кочевья. По его инициативе в Троицкосавске открылась русско-монгольская войсковая школа, в Первую Казанскую гимназию были направлены для обучения бурятские мальчики.

В сентябре 1829 г. по поручению Иркутского гражданского губернатора Ковалевский посетил г. Ургу в Монголии, а затем в составе XI Русской духовной миссии жил целый год в Пекине.

Во время «научной командировки» О.М. Ковалевский подготовил учебные пособия «Краткая грамматика монгольского языка», полный (40 тыс. слов) и краткий (5 тыс. слов) «Монгольско-русский словарь», «Разговорник монгольского и бурятского языков», собрал оригинальный материал, посвященный истории монголов и истории буддизма в Индии, Китае, Тибете и Монголии, начал изучать основы китайского, тибетского и маньчжурского языков, санскрита. В одном из донесений в университет О. Ковалевский писал: «Восточная половина Азии, еще по многим частям мало известная страна, издревле была предметом изысканий любознательной Европы и источником совершенно противоположных мнений. При всех усилиях ориенталистов география и история, в просторном своем значении, еще не обработана так, чтобы могла присоединиться к истории, всеобщей нами называемой, между тем как взгляд на оную представляет нам ход человечества, медленно, но теми же путями подвигающегося в успехах, что и в других частях света».

После возвращения Ковалевского в Казань наступил наиболее плодотворный этап его учебной, научной и административной деятельности. В июне 1833 г. О. Ковалевский и А. Попов были проэкзаменованы академиком Я.И. Шмидтом и в июле 1833 г. назначены адъюнктами монгольского языка в Казанском университете. Вскоре в университете была учреждена первая в России и Европе кафедра монгольского языка во главе с О.М. Ковалевским, и первые студенты начали изучать монгольский язык. Среди первых учеников монголоведческой школы Ковалевского были будущие бурятские просветители и ученые Доржи Банзаров, Галсан Гомбоев и А. Бобровников.

30–40-е годы были временем окончательного формирования системы университетского востоковедения в Казани. Основные курсы восточных языков — арабский, турецко-татарский, персидский и монгольский — были объединены в разряд восточной словесности философского факультета, одна за другой создаются первые в России кафедры

китайского языка, армянского языка, санскрита, калмыцкого языка. Наряду с преподаванием языков, началось изучение истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая и Индии. Развивается монголоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и санскриология.

О.М. Ковалевский сыграл исключительную роль в преподавании монгольского языка в университете и гимназии, комплектовании университетской библиотеки, подготовке и издании учебных пособий. В Казани он написал многочисленные востоковедческие работы: «Краткая грамматика монгольского книжного языка», «Монгольская хрестоматия», «Буддийская космология», «Монгольско-русско-французский словарь» и другие. Сочинения ученого были проникнуты уважением к историко-культурному наследию народов Восточной Азии. В сентябре 1832 г. тайши селенгинских бурят-монголов писали О.М. Ковалевскому: «Поистине нет среди наших кочевьев подобного (Вам) по весьма благодному уму и прекрасному душевному спокойствию».

В 1835 г. университет приобрел собранную О.М. Ковалевским коллекцию, состоящую из 1272 наименований книг, ксилографов и рукописей. Собрание включало китайские, маньчжурские, монгольские сочинения и уникальное этнографическое собрание (костюмы лам, буддийские божества, монеты, картины и т.д.).

За педагогические и научные заслуги в 1835 г. О.М. Ковалевский был утвержден экстраординарным профессором, а в 1837 г. — ординарным профессором монгольского языка университета и избран членом-корреспондентом императорской Санкт-Петербургской академии наук. Однако его избрание в 1847 г. действительным членом академии не было утверждено царем Николаем I: сыграли роль старые «грехи». Ковалевский состоял почетным членом королевского Азиатского общества в Париже, действительным членом королевского Датского общества северных антиквариев, действительным членом Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете и Виленской археографической комиссии.

Огромную роль сыграл основатель отечественного университетского монголоведения в подготовке российских востоковедов. Один из них, выдающийся китаевед В.П. Васильев, в автобиографии писал: «...моим развитием, проявлением моих оригинальных взглядов в науку и государственности, я обязан профессору поляку (Осипу Михайловичу Ковалевскому)! Его слова: не преклоняться в отыскании истины пред авторитетами, подвергать критике sine ira et studio совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса решенным на век, запали глубоко в мою душу...»

3 мая 1855 г. О.М. Ковалевский был утвержден ректором Казанского университета,

а в 1857 г. был оставлен в этой должности еще на пять лет. Действительный статский советник О.М. Ковалевский был уволен от должности ректора в 1860 г. по высочайшему повелению после студенческих волнений в Казанском университете.

В годы своего ректорства О.М. Ковалевский сумел продолжить лучшие традиции, заложенные его предшественниками Н.И. Лобачевским и И.М. Симоновым. Но на его долю выпала и нелегкая обязанность закрыть разряд восточной словесности Казанского университета согласно царскому указу. С ощущением огромной утраты и горечи занимался в 1854–1855 гг. О.М. Ковалевский вопросами прекращения преподавания восточных языков и перевода профессоров и преподавателей в Санкт-Петербургский и другие университеты.

И самому ему пришлось покинуть Казань. В 1862–1878 гг. О.М. Ковалевский работал профессором кафедры всеобщей истории Варшавской главной школы, преобразованной в 1869 г. в Варшавский университет. В университете он читал курс лекций по всеобщей истории и был деканом историко-филологического факультета.

Однако Казань не забыла заслуг ученого и просветителя. 29 апреля 1878 г. О.М. Ковалевский был избран почетным членом Казанско-

го университета. Профессор Н.Н. Булич в связи с этим знаменательным событием отмечал: «...Осип Михайлович так долго и в таких разнообразных отношениях служил Казанскому университету как профессор, редактор ученых изданий, декан, ректор, его жизнь так много лет тесно и неразрывно была связана с организмом университета, где до сих пор живы следы его служения, что выбор его в почетные члены нашего университета... будет не признанием давно всеми признанных ученых заслуг Ковалевского, а только воспоминанием его многолетней, в высшей степени славной и полезной для университета деятельности».

О.М. Ковалевский скоропостижно скончался во время занятий в библиотеке Варшавского университета в 1878 г.

Обширное литературное и научное наследие ученого и его личная библиотека сохранились лишь частично – в архивах и библиотеках Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Вильнюса, Иркутска, Варшавы. Преобладающая часть архива и библиотеки погибла в Варшаве в 1863 г.

Небольшое сочинение О.М. Ковалевского – его речь на торжественном собрании Казанского университета, публикуемая ниже, – дает тем не менее великолепное представление о взглядах ученого на вопрос, который и по сию пору вызывает интерес в обществе.

В работе над статьей автор использовал материалы Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Татарстан.

Любимов А. О неизданных трудах о. Иакинфа и рукописях проф. Ковалевского, хранящихся в библиотеке Казанской духовной академии // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. – СПб., 1908. – Т. 18.

Петров А.А. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве АТССР и в библиотеке Казанского университета // Библиография Востока. – М., 1937. – Вып. 10 (1936).

Румянцев Г.Н. Неизвестная рукопись О.М. Ковалевского // Записки Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института культуры и экономики. УП. – Улан-Удэ, 1947.

Шастина Н.П. Ученая корреспонденция монголоведа О.М. Ковалевского // Советское востоковедение. – 1956. – № 1.

Шастина Н.П. Из переписки О.М. Ковалевского с бурятскими друзьями // Материал по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1965. – Вып. 2.

Чимитдоржиев Ш.Б. Фонд О.М. Ковалевского в библиотеке Вильнюсского университета // Народы Азии и Африки. – 1990. – № 2.

Чугуевский Л.И. Архив востоковедов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Материалы по истории отечественного востоковедения. – Москва, 1990. – Ч. III.

Кульганек И.В. О фонде О.М. Ковалевского в Архиве востоковедов при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН // Наследие монголоведа О.М. Ковалевского и современность: Доклады и сообщения международной научной конференции, 21–24 июня 2001 г. – Казань, 2002.

Успенский В.Л. Коллекция О.М. Ковалевского в собрании восточных рукописей и ксилографов библиотеки Санкт-Петербургского университета востоковедения РАН // Наследие монголоведа О.М. Ковалевского и современность: Доклады и сообщения международной научной конференции, 21–24 июня 2001 г. – Казань, 2002.

Осип Ковалевский

О знакомстве европейцев с Азией

Н икогда Азия не возбуждала столь сильного любопытства в просвещенных европейцах, как в наше время. Никогда частные лица, ученые общества и правительства не принимали столь живого участия в азиатских исследованиях, как в нашем веке. Отличнейшие ученые, при всех сокровищах европейской образованности, движимые благородным соревнованием, из одной любви к наукам, устремили жадный свой взор на эту часть света, и неуспешная деятельность и бесчисленные изыскания ориенталистов, в продолжение нашего знакомства с Востоком, увенчались блистательным успехом на этом поприще к славе. Не скрываем, что в самом начале одна лишь корысть сблизила нас с Азией, и, познакомив с ее произведениями, давала одностороннее направление трудам европейцев; но известно, что впоследствии обильная жатва на поле азиатской литературы сосредоточила различные цели ученых занятий, одушевила бескорыстием стремление европейцев в Азию и прекраснейшими плодами вознаградила их трудолюбие. В самом деле, истекшее пятидесятилетие принесло нам столько превосходных творений о Востоке, что мы с приятным удивлениемзираем уже на огромную массу сведений, на разнообразные и драгоценные материалы, из которых сооружается великолепнейшее, гармоническое здание, прельщающее нас своим видом, внутренним расположением и богатством украшений. Но как всякая наука, принимаемая в новейшей форме с применением к очевидному и осязаемому употреблению, представляется нам с одной стороны только чисто материальной, а исторический взгляд на ее начало, изменения и последнюю отделку знакомит нас с трудами, успехами и ошибками предыдущих и служит наставником для будущих поколений, то и я, в надежде на благосклонное внимание просвященнейших посетителей, беру смелость предложить здесь несколько общих замечаний о знакомстве европейцев с Азией.

Восточные рукописи из фондов Национальной библиотеки Республики Татарстан.

История обязана решить вопрос: какие племена искони обитали в Азии; раскрыть их судьбу, взаимное борение и конец, когда они уподоблялись волнам, поглощающим друг друга, без малейшего изменения поверхности бурного океана. Известно, что слепой фанатизм арабов доставил торжество исламу и его поборникам, но не удержал за собой владычества над Азией. Потом дикие орды, под разными наименованиями изверженные из монгольских степей, грубой лавиной покрыли цветущие страны, и на развалинах прежде бывших царств основали могущественную монархию, страшную для соседей. Европа неоднократно уже встревожена была нашествием азиатских народов, которые, не встречая равносильного сопротивления, машинально сталкивали друг друга с места, произвели богатый последствием переворот, принесли с собой новые идеи и совершенно перемешались с туземцами. Излишним считаю возобновлять в памяти вашей, Мм. Гг., все то, что тогда азиатцы нам передали. Помните только, что наша часть света два раза ополчалась против Азии, и в оба раза наши предприятия остались без желаемого успеха. Мы не покорили Азию. Завоевания Александра Македонского коснулись пределов Индии, и с кончиной его исчезли толпы греков со своими трофеями. Потом крестоносцы вторгались в азиатские владения, и через сто лет слава их подвигов померкла на берегах священного Иордана. Последним векам провидение предоставило воскресить сношения с Азией, различными путями исподволь приготовить силы к новой борьбе, которой вид и последствия сокрыты во тьме будущности.

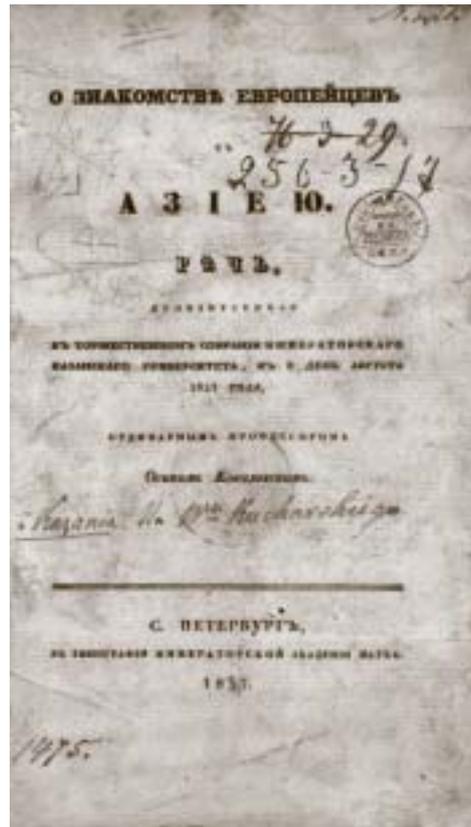
Было время, когда высокомерный европеец взирал на Азию как на убежище праздности и неги, почитал ее обиталищем дикого варварства, страну безмерной роскоши и рабства. Было время, когда дряхлеющая Европа поносила юных духом и телом азиатских чад, которые громом побед приводили в оцепенение истощенных врагов в других государствах. Помните, как бесчисленные толпы христиан под знаменем Веры устремились некогда на берега Малой Азии, чтобы истребить заклятых противников, закосневших в невежестве; но, к крайнему удивлению и стыду, они нашли там просвещение и в образе жизни, и в народном характере; неоднократно встречали снисхождение к пленным рыцарям, уважение к частным доблестям героев, были поражены блеском добродетелей, ярко отражавшихся от воинственного лица. Не говоря о взаимной пользе, какая проистекла от сильного столкновения Запада с Востоком, я повторю только слова нашего ученого и красноречивого вельможи-писателя: «...что под стенами Иерусалима, пред Гробом Спасителя, положен был наконец (без ведома строителей и, конечно, против их воли) первый камень будущего политического здания Европы. Рыцари Креста погребли в степях Сирии лучшую часть воинства, свою славу и свои богатства; они предали на жертву жизнь нескольких миллионов, они пролили реки крови и слез; но исполнители неизвестного им Закона, они в замену толиких бед принесли в Европу новую искру просвещения».

Я умалчиваю о легатах, которые, повинувшись железной воле своего владыки, с гордыми требованиями пробирались к повелителям Средней Азии и, возвратившись оттуда без успеха, принесли на родину значительное количество неверных и односторонних понятий как о виденных ими племенах, так и об их обычаях, нравах, религии. Само собой разумеется, что дневники этих благочестивых странников, доставив обильные материалы для новых соображений, приводили в движение умы европейские и распространили круг тогдашних познаний; но точка, с которой смотрели путешественники на встречаемые предметы, была слишком мала, самый взгляд наблюдателей был слишком туп, тесен и односторонен. Между тем, помнить надобно, что всякое достопримечательное явление в сфере человеческой деятельности имеет свое начало, имеет и эпохи своего возрастания. История не так скоро облеклась бы в прагматическую форму, если бы предварительно не имела своих геродотов, которые с самоотвержением проникали в отдаленные страны и в продолжение путешествия собирали драгоценные местные предания о прежних событиях, и принесли собственные наблюдения. Бессмертный Гумбольдт не успел бы обогатить наук таким множеством новых идей, если бы опыт протекших веков не оставил ему огромного запаса сведений, с помощью коих всеобъемлющий гений его дополнил недостатки, связал собранные предшественниками материалы, и мощною рукою создал новый храм науке, пред которым благоговейно современники, и которого вид долго будет возбуждать удивление благодарного потомства. Равным образом и картина азиатских народов оставалась бы до сего времени, при всей своей неполноте, со всеми неизбежными ошибками и изуродованными частностями, если бы трудолюбивые путешественники не употребили своих сил и дарований на приобретение полезных сведений о племенах, достойных нашего уважения. [...]

Нетрудно, впрочем, угадать настоящую причину, почему европейцы так несправедливо отзывались об азиатах. Бессилие физическое и даже умственное, сопровождавшее нас при начальной борьбе с Востоком, откликалось ропотом и негодованием на предмет нашего знакомства. Прибавьте к тому незнание местоположения, языка, нравов, обычаев, религии, народное самолюбие и народную ненависть, неимоверные затруднения, каким подвергались первые путешественники, и перестанете удивляться нерасположению прежних европейцев к жителям Азии. Нужно ли исчислять местные предрассудки, от которых зависело признать честь какого-либо народа или заклеймить его бесславию? Кроме того, совершенная противоположность характера и внутреннее достоинство разделяло и разделяет народы в двух частях света. Кипучие страсти, сокрытые в величавой осанке; хитрость и изворотливость, облеченная в холодную наружность азиатца, нескоро сделались понятными для европейской гордости и самонадеянности, таившейся под видом смирения. Оттуда проистекла взаимная недоверчивость и неумолимая вражда, свойственная племенам соседственным, но несходным между собой в част-

ном и народном быту. Как евреи словом *гой*, мусульмане *гяуром*, греки *варваром* называли всякого иноземца, так китайцы в свою очередь запятнали страницы своих летописей унижительными именами своих соседей. Это обыкновение было столь общим на Востоке и Западе, что почти невозможным казалось иначе говорить о чужестранцах, как с явным презрением. Сверх того, недостаток веротерпимости доводил до ужасных происшествий, кровью запечатленных. Римские миссионеры, забыв евангельскую кротость, среди племен, чуждых им по языку, обычаям и религии, неоднократно покушались прибегать к обману и жестоким мерам и хотели силой отнять у ближних своих то, чему научили их прадеды и передали им как неприкосновенную, многими столетиями охраняемую святыню. Весьма неприятные и даже вредные для христианской религии следствия убедили наконец ревностнейших проповедников, что с образованием ума и направлением сердца к благим делам спасительное учение скоро и успешно водворяется среди чад природы, и что благотворный свет истины при медленном, но безостановочном своем течении неминуемо согреет и озарит всех ее противников и принесет плоды зрелые, неувядаемые, питательные.

В самом деле, просвещение, дарованное Небом, развивая врожденные человеку способности и обогащая его полезными знаниями, открыло пространное поприще для благородного состязания умов. Электрическая сила его явно обнаружилась в сближении разноплеменных народов, в укрощении взаимной ненависти и в распространении обоюдных связей. Кому неизвестно, как торговые сношения расширили круг знакомства Европы с Азией; как с возрастанием промышленности умножились причины к трудолюбию и увеличению нужд; как с купеческими транспортом через степи Средней Азии и Южный Океан переходили разнообразные сведения об отдаленных странах? Кому неизвестно, как неустрашимые миссионеры, с крестом и Евангелием в недоступных государствах, на развалинах язычества, воздвигали храмы истинному Богу, поселяли христианскую нравственность, водворяли науки и искусства европейские? Победа, одержанная силою Слова, а не оружия, обесмертила имена ревнителей веры Христовой. Взгляните на Индию, где алчный британец упрочил свое владычество, и основав свои выгоды на расчетах торговли и промышленности, европейским просвещением как бы магическим железом озарил местную древность; неуспынный в действии на пользу собственную, с помощью купеческих контор, училищ, ученых обществ, академий и проповеди Слова Божия, он быстрым потоком своей образованности орошает благодатные страны, населенные суеверием, а изумленному взору европейца, вместе с индийскими драгоценностями, представил неистощимые источники литературы, которая уже принадлежит не к роскоши, а к необходимым нашим потребностям. Взгляните на Китай, огражденный бурными морями с юга и востока, пустынями на севере, с запада огромными цепями гор или выходящая по горным вершинам великою стеною, отчужденный кочевыми племенами, живущими в полудиком состоянии, от народов, получивших совершенно другое образование, на Китай как бы на остров, брошенный на материк, по закоснелому упрямству избегавший всего, что только могло назваться иностранным, — взгляните и удивитесь связями его с европейскими государствами и некоторому уже успеху европейского влияния. Бесспорно, никакая идея не погибает в умственном мире: рано или поздно она воскреснет среди вражеских ударов и снова увлечет за собой толпу своих почитателей. [...] Далее, знаем, сколько времени и какого труда стоили России начальные сношения с Китаем, сколько раз Кяхтинские ворота были заперты для нашего купечества, по причинам маловажным и, собственно, из одного лишь, так сказать, врожденного отвращения к чужеземному и непомерной национальной гордости. Но справедливое требование правительства нашего, основанное на договорах, строгое наблюдение за исполнением условий трактата, устройство купеческих сношений, иногда снисходительность к азиатским формам, а иногда и настойчивость упрочили взаимную двух империй доверенность и дружбу. Кроме того, однажды возбужденная страсть к торговой промышленности, привычка китайцев употреблять русские товары и самая масса народа, занятая чайными плантациями, обеспечивают с этой стороны продолжительность мира и мирных наших занятий. Слепой эгоизм азиатцев, подвластных Сыну Неба, долго не признавал прежде самобытности других государств, и на своей карте, как бы для обстановки сцены, помещал их по углам четыреху-

Булгар. Развалины Белой палаты. Гравюра А. Дюрана, 1839.

гольника, объемлющего всю Срединную Империю, и с негодованием взирал на всякое покушение иностранцев войти в связь с Китаем; но политические происшествия в Европе, а именно — победа, одержанная над гением-исполином Франции, бессмертные подвиги русских воителей в Турции и Персии, пересказанные иноземными купцами в Китае, внушили этому народу полное уважение к соседственной могущественной державе. Итак, прибавилась еще одна причина, укрепившая дружественные узы двух монархий! В это же самое время на юге насильственные и коварные меры, предпринимаемые британскими корыстолюбцами, раздражают подозрительность китайского правительства. И когда сыны Севера своей правотой и твердостью приобрели исключительное право жить в сердце Срединного Государства и пользоваться совершенною свободой в столице, недоступною для прочих европейцев, тогда пришельцы с другого конца мира, продавцы гибельного опиума, похитители полусотни тысяч семейств, поселенных теперь в Бирмании, распространившие фальшивую монету, могут ли добиться славы мирных, честных соседей, искренних друзей и вместе надеяться на продолжительность и прочность пользы, извлекаемой ими из столь отдаленного государства с вредом человечеству? Потому не должны ли мы гордиться правотою, сопровождающею наши сношения с Китаем? И, смотря по твердым правилам нашей политики, не должны ли мы примечать, что Провидение, управляющее судьбами России, предназначило ей быть посредницею между Европой и Азией, для сообщения сей последней части света плодов истинного образования, которое мы сами приобретаем с неимоверным трудом, с большим усилием и значительными жертвованиями? Этим мы принесем азиатам дань бескорыстной благодарности за то, чем некогда Европа была одолжена Азией.

Теперь спрашиваем, неужели одни физические нужды приводят в соприкосновение разрозненные народы? Неужели шелковые ткани, чайный листок, аравийские благовония или драгоценности Индии, исключительно возбуждая в нас уважение к Азии, заставляют входить в тесные связи с неизвестными племенами и крепкими узами с ними соединяться? Никто, думаю, не спорит, что человек, одаренный телесными и душевными способностями, напрягая первые для снискания себе пропитания с опасностью жизни, пользуется последними для собственного просвещения, боясь лишиться всех представленных ему выгод. Потому, с ходом образованности и усовершенствованием общественных отношений, весь род человеческий, ища удовлетворения физических и умственных своих потребностей, мало-помалу сливается в одну органическую массу и в течение многих столетий может и должен быть почитаем одним лицом, которое всегда существует, непрерывно учится и нас учит.

В этом-то заключается одна из важнейших причин, которые побуждают европейца искать знакомства с Азией, изучить столь огромную массу человечества, имевшего некогда благодетельное на нас влияние. Но с возвышением цели связей с азиатскими народами все наши разыскания приняли новый оборот, увлекли ученых к противоположной крайности, открыли в Азии древнейший мир со всеми прелестями патриархальных времен, со всеми изобретениями, которых славу долго присваивал себе европеец. Самый рай, с берегов Евфрата и Тигра, сперва перенесли в Швецию, в Пруссию, опять возвратили в Азию, в Индию, и вершины Гималаев сочтены были за место, откуда после потопа род человеческий распространился по всей земле. В названиях четырех райских рек, упомянутых в Книгах Моисеевых, зоркие этимологи нашли названия рек, известных индийцам. Изумились европейцы, когда узнали, что в 952 году появились в Китае первые книги, печатанные с помощью резных деревянных досок, следовательно, за

500 лет до Гутенберга; что китайцы в 1120 году изобрели игральные карты, о которых в Европе начали говорить только с 1332 г.; что с 1154 года восточные татары имели ассигнации, о которых Марко Поло первый привез известие в Европу; что в 1255 году внук Чингисханов с отрядом китайской артиллерии действовал против Персии, следовательно, за сто лет до Крессийского сражения знал уже употребление пушек; что изобретение пороха принадлежит китайцам, от которых он перешел в Персию, из Персии в Аравию, и арабы пользовались им при осаде Мекки в 691 году; что в I веке по Р.Х. китайцы начали выделывать листы бумаги из коры бамбуковой; что астрология с магией и прочие науки и искусства получили свое начало в Азии; что цифры, называемые у нас арабскими, суть чисто индийские.

Но более всего поразило европейцев сходство идей религиозных и нравственных до такой степени, что некоторые из них силились уверить, что образованность почти всех народов азиатских, африканских и европейских вышла из Индии, древнейшего обиталища человека, — из Индии, которой памятники, изобличая маститую старость ума, показывают эпохи его подвигов на поприще науки и гражданственности. Потому ориенталисты в важнейших наших идеях старались открыть отпечаток влияния индийцев и доказывали тем с большим усилием, чем скуднее были материалы в подкрепление их предположению, и чем более пылкий ум их доискивался начала. [...]

Нередко случалось, что имена заслуженных лиц унесены были быстрым течением времени; но их труды и успехи слились с общей массой человеческих приобщений. А как история умственных приращений служит мерилем и основанием дальнейшему ходу просвещения, то познание судьбы народов европейских и азиатских параллельно, изучение всех их изобретений должно почитаться средством не только удовлетворить врожденное человеку любопытство, но и обогатить его необходимыми сведениями к предстоящему подвигу. До сего времени история политики и образованности азиатской еще не обработана так, чтобы она могла дополнить недостатки в картине всеобщего бытописания. Настоящее направление Европы обращено на исследование необходимых для того потребностей. Полувековой опыт доказывает, что усилия знаменитых ориенталистов раздвинули уже раму начальных предприятий и представили Европе обильные материалы. И в этом отношении восточное языковедение более чем очевидную принесло пользу.

[...]

В Азии, как в Европе, нет утомительного однообразия и неподвижности народной. Переход с севера, покрытого льдами, к знойному югу подвержен непрерывной цепи перемен. От бедной кибитки зашитого в кожу оленью номада до нагого индийца — какое должно быть расстояние и сколько промежуточных явлений в самих жителях! Какой шаг от бродячего зверолова до преданного созерцанию брамина! А как местность положила неизгладимое клеймо своего влияния на людей, так обитатели Азии, каждый по своим силам, оставили глубокие следы своего пребывания на местностях, следы языка, первого свидетеля существования народов, следы успехов искусства и образованности. Тунгус или якут, по северным лесам преследуя соболей и белок, избороздил снега и каждому месту дал особое наименование. Влюбленный в кочевую жизнь монгол, из честолюбия и хищничества своих полководцев, возмущал соседей, и, среди враждебных кликов, раздвигая пределы прежних стойбищ, в названиях урочищ он увековечил свои походы, свой язык. Неутомимый китаец, богатый людностью и бедный землею, пески превратил в плодородные нивы; чрез расторгнутые порохом скалы проложил дороги; на ручьях создал великолепные каменные мосты, а реки и каналы покрыл бесчисленными лодками; в городах и селениях усилил промышленность; мраморными памятниками и в летописях обессмертил заслуги своих предков; в философии и прочих науках неуспешно подвизался вперед со славою, и мощной рукой положил особенную печать на своей империи, которой с Гердером не смеем назвать какой-то мумией, завернутой в шелковую ткань и исписанную иероглифами. Далее, мечтательный индиец, на каждом шагу поражаемый чудесами природы, предавался прославлению божеств и древних героев, созерцательной жизни, прениям религиозным и философским, а при стеснении его веры зарывался в землю, в ней сооружал храмы, на колоннах и стенах начертил мифологические предания, или вдали от отечества распространял свои понятия, свои науки, свою религию.

И эти народы, не говоря уже о народах Западной Азии, пережили разные эпохи своей политики и гражданского образования, в чем может нас убедить легкое даже воззрение на важнейшие у них происшествия. Все они действовали современно, порознь и вместе, но не с одинаковыми силами, и каждый из них сохранил отличительные свои черты и занял принадлежащее ему место в истории.

Но чтобы поддержать сношения с Азией, чтобы внедриться в ее дух, объять все ее частности и представить в связи с историей рода человеческого, необходимо знание азиатских языков как важнейшее и единственное средство достигнуть предположенной цели, как самая лучшая гимнастика для развития наших собственных способностей. По мере трудности и отдаления от европейских языков, азиатские грамматики приобретают более весу и приносят очевидную для нас пользу. Они служат ключом, за которым сокрыты все сокровища восточной учености.

Европа давно уже почувствовала нужду сблизиться с Азией. Англичане и французы, предприимчивее других, не упускали ни малейшего случая раздвинуть сферу своих действий на Востоке; они начали собирать сведения обо всех азиатских народах, отыскивать литературные их произведения, основывать училища, академии, ученые общества, составлять восточные библиотеки, обогащать свои кабинеты азиатскими

редкостями, а расширение торговли и блестящие успехи нового предприятия пробудили охоту к тщательному изучению языков, известных под общим названием восточных. С университетских кафедр разливался свет на новые страны, на языки, древности и историю несходных с нами народов. Питомцы европейских школ, обогащенные сокровищами наук, переселяясь в Азию, сообщали ей европейские приобретения, а с нами делились своими драгоценными познаниями, драгоценными по новости и важности их содержания. Такою же деятельностью одушевлены были члены Калькуттского, Бенгальского, Бомбейского, Мадрасского, Лондонского и Парижского Азиатских обществ. Ученые их подвиги загремели на поприще восточной литературы, и ныне Европа с особенным уважением произносит имена бессмертных ориенталистов, которые, чуждые личной корысти, из одной любви к науке поспешили своими трудами обогатить разные отрасли нашей учености. Тот же самый благородный порыв к изучению Востока не замедлил водвориться и в таких народах, которые по своему положению никогда не имели и не имеют непосредственных сношений с Азией. Одна только жажда к приобретению полезных сведений возродила в них похвальное рвение подвизаться в возделывании столь обширного поля науки. Справедливое и признательное потомство, с радостью воспевая славу трудолюбивых ученых, призывает своих современников к продолжению начатого дела.

Неуспешное в своей деятельности наше правительство давно уже постигло всю пользу от знания восточных языков и необходимость их в сношениях с азиатскими государствами и в управлении племенами, нашедшими покровительство в недрах России, патристический голос знаменитого представителя у нас народного просвещения красноречиво доказал все выгоды, могущие проистекать от распространения средств к изучению Востока, и в недавнее время его мысли осуществились самым явственным образом. Хотя в русских университетах принято было преподавание азиатских языков, и плоды юного учреждения с каждым годом становились обильнее и краснее, но не везде могли быть одинаковые удобства к дальнейшим успехам. Казанский университет, находясь на рубеже Азии, как бы в сердце огромнейшей империи, простершей свои владения по всей Северной Азии, по своему положению, при благодетельном содействии достопочтенного своего начальника, в самое непродолжительное время сделал весьма значительные приобретения, так что он своими пособиями не только может соперничать с другими заведениями в этом отношении, но даже получил перевес, слишком уже заметный. В нем кроме преподавания арабского, персидского и татарского, возникли кафедры турецкая, монгольская и китайская, к которым, смеем надеяться, присоединятся и другие восточные, особенно тибетская и армянская. Все они составили особый разряд наук в I отделении философского факультета, связанный с предметами европейской учености. Нужно ли вспоминать здесь о драгоценном собрании книг и рукописей, о редком собрании азиатских монет и о других учебных пособиях, стяжанных с большим трудом и значительными издержками? По ходатайству г. попечителя М.Н. Мусина-Пушкина, которому преимущественно наш университет обязан своими успехами по этой части, преподавание восточных языков распространено в 1-й Казанской гимназии и даровано казенное содержание для 14 студентов, исключительно учащихся азиатским языкам. Неутомимое стремление нашего начальства к общей пользе привлекло в здешние заведения разнородных азиатов, которые потом с классическим воспитанием обратятся на службу Престолу и Отечеству, каждый на своем природном языке будут благословлять имя обожаемого Монарха, как единственного виновника нашего благоденствия. Университетское же образование, не ограничиваясь одной теорией языков, руководствует своих питомцев к практическому их употреблению, а объясняя историю и литературу важнейших азиатских народов, открываешь путь к дальнейшей разработке богатейших рудников восточной учености, для пользы и славы нашего Отечества.

О знакомстве европейцев с Азией.

Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета

в 8 день августа 1837 года

ординарным профессором Осипом Ковалевским.

– Санкт-Петербург, 1837. S 44/889.

Печатается с незначительными сокращениями. Правопписание приведено к современным нормам.

